

УДК 316.3; 94(4)"1492/1914"

ИСТОРИКО-МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ МАРГИНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕ XVII в.

Г. Г. Пиков

HISTORICAL AND MENTAL ROOTS OF MARGINAL CULTURE IN EUROPE
IN THE 17TH CENTURY

G. G. Pikov

Статья посвящена феномену маргинальной культуры в Европе XVII в. Рассматриваются исторические и ментальные истоки ее формирования, особенности и место в культурной истории континента.

The article is devoted to the phenomenon of marginal culture in Europe in the 17th century. The author studies the historical and mental origins of its formation, its characteristics and place in the cultural history of the continent.

Ключевые слова: Европа, маргиналы, XVII в., ментальность, культура, маргинальный человек.

Keywords: Europe, outcasts, 17th century, mentality, culture, marginal people.

В настоящее время к терминам «маргинальное», «маргинальность» и другим производным сложилось несколько подходов (в социологии, социальной психологии, культурологии, политологии, экономике) и это означает, что данные понятия носят достаточно универсальный и междисциплинарный характер. Ныне они вошли в моду и широко употребляются не только в социологии и социальной психологии, но и в философии, антропологии, искусствоведении, криминологии, теории культуры. Это означает, что в разных проблемных зонах они приобретают новый смысл (прим. автора: *А. Грин утверждал, что «маргинальный человек» это всеобъемлющий термин (omnibus term), который, включая все, не исключает ничего, и потому должен употребляться осторожно. См.: 10*). Базовым для них являлся социологический контекст, именно там они и стали сначала употребляться. Впервые употребил понятие «маргинальность» в своём эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928 г.) Роберт Эзра Парк. Именно его культурологическое определение с точки зрения данной темы представляется одним из ключевых: «Маргинальная группа людей – группа, отвергающая определённые ценности и традиции той культуры, в которой эта группа находится, и утверждающая свою собственную систему норм и ценностей» [цит. по: 10]. Следует также добавить, что само понятие маргинальности (прим. автора: *от лат. targo – край, граница, предел*) означает «пограничную» ситуацию на границе двух различных, конфликтующих между собой культур, порождающую также феномен пограничного, маргинального человека. По мнению Р. Парка, главное в природе маргинального человека – чувство моральной дихотомии, раздвоенности, когда, подчеркивает он, старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы. Он выстраивает свою теорию «по горизонтали», рассматривая эмигрантов и иммигрантов, однако, исторический материал, в том числе связанный с Европой XVII в., позволяет говорить о формировании социокультурной маргинальности и «по вертикали» как феномене на «границе» двух эпох.

Причины появления этого феномена различны.

Это, прежде всего, связано со *спецификой цивилизационного развития Европы* в данный период. XVII век занимает особое место в истории Европы

(прим. автора: *Эту позицию четко обозначила еще литературоведческая конференция 1969 г., на которой Ю. Б. Винпер писал: «И в литературоведении, и в исторической науке, и в искусствоведении преобладает мнение, согласно которому «семнадцатый век» как эпоха, будучи генетически связанным с Возрождением, с одной стороны, и с Просвещением, с другой, все же во многом от них принципиально отличается и представляет собой явление специфическое. И действительно, чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на литературную панораму Западной Европы в XVII столетии. Совершенно очевидно, что такие писатели, как Мильтон, а также, скажем, Драйден, Батлер, Бэньян или Конгрив в Англии... не могут быть отнесены ни к литературе Возрождения, ни к литературе Просвещения. Их творчество представляет собой качественно своеобразный этап в развитии западноевропейской литературы...»* [5, с. 11 – 12]) [1; 2]. Можно сказать, что именно в этом веке окончательно складывается новая конфигурация цивилизации, рождается «Европа» и уходит в прошлое аморфный «христианский мир», о чем говорит предельно тесная, не свойственная средневековому периоду экономическая, политическая и культурная связь между национальными государствами.

Это все, безусловно, свидетельствовало о наступлении нового этапа развития европейского континента. По словам М. А. Барга, смена «культурно-исторических эпох, которую относят к XVIII веку, началась еще в лоне XVII века» [1]. До сих пор иногда считается, что эпоха Возрождения поставила перед человечеством две задачи: подчинить природу человеческому разуму и ликвидировать феодализм. Решение первой пришлось на XVII в., второй – на XVIII в. По словам Г. В. Плеханова, «в эпоху Бэкона и Декарта ход экономического развития передовых обществ Западной Европы сделал особенно ошутительной нужду в увеличении производительных сил. Великие мыслители отозвались на эту общественную нужду тем, что придали философии новое направление, имевшее чрезвычайно благотворное влияние на *естественные науки, а через них и на технику*. Но рост производительных сил, со своей стороны, значительно повлиял на внутренние отношения передовых европейских об-

ществ. Благодаря ему третье сословие стало играть в жизни этих обществ несравненно более важную роль, чем прежде. А так как этой *новой*, гораздо более важной роли его не соответствовали *старые* общественные отношения, то оно захотело уничтожить их. Это стремление и выразилось в выработке идеологами третьего сословия освободительной философии XVIII века. Польза, которую ожидали от этой новой философии, заключалась уже не в умножении производительных сил, а в таком переустройстве общества, которое соответствовало бы уровню, достигаемому этими силами» [12, с. 58 – 59].

Можно сказать, что в XVII в. Европа достигла своеобразного «дна» пропасти, разделяющей старое и новое. Именно тогда окончательно завершается «средневековье» как специфический цивилизационный вариант развития. Произошла 30-летняя война – первая европейская всеобщая внутримировая война за передел континента, проходившая еще под религиозными лозунгами и использовавшая «силу» как феодальную категорию и традиционное средство решения проблем. Завершились Великие географические открытия, использовавшие на первом, испано-португальском этапе (XV – XVI вв.), традиционный метод «исхода» излишков населения за пределы той «клетки», в которой оказалась Европа, а на заключительном этапе заложившие основы колониальной системы как первой капиталистической формы общения континента с окружающим миром. Завершились Возрождение и Реформация. Заканчивается так называемый «прогрессивный» этап развития абсолютизма, активизируется в экономическом плане буржуазия и переходит ко все большей конфронтации с ним. Даже в Тридцатилетней войне (1616 – 1648) прослеживается конфликт между странами – поборницами капитализма и феодализма [16, р. 9]. Процесс становления европейских государств вообще имел сложный идеологический характер, характерной особенностью которого является хаотично развивающаяся секуляризация, тогда как на Востоке религиозные учения во многом определяли духовную жизнь.

Победоносная буржуазная революция 40-х годов в Англии сделала весь процесс перехода от феодализма к капитализму в общеевропейском масштабе необратимым. Этап «беременности» капитализмом в рамках Позднего феодализма и Раннего Нового времени, наконец-то заканчивается «родами». Именно в XVII в. совершается мануфактурный переворот, резко возрастает удельный вес централизованных мануфактур и происходит «исход» мануфактуры из городов в деревню [2]. Недаром К. Маркс датировал серединой XVIII в. начало периода классической мануфактуры. Иначе говоря, наступила промышленная фаза экономического лидерства, и Англия стала ее воплощением. В результате Великих географических открытий Европа оформлялась как **океаническая** цивилизация. Новые миры ошеломили европейцев своей непохожестью на привычный мир природы и людей и стали еще одним из факторов, подорвавшим веру во всемогущество человека. Великие географические открытия породили не только новые надежды, но и новые тревоги.

Одним из результатов формирования капитализма стало стремительное размытие прежних социальных и этнических групп, их медленное перерождение в новые национальные и социальные конструкты и опускание на «дно» общества огромного количества людей, в пропорциях, которых не знала ни одна предшествующая эпоха.

Это социальное брожение сопровождал и так называемый кризис XVII века, получивший в историографии наименование «всеобщего», который, по словам французского историка Ролана Мунье, «затронул человека в целом, во всех сферах его деятельности – экономической, социальной, политической, религиозной, научной и художественной, все его существование на глубочайшем уровне его жизненных сил, его чувствования, его воли» [2, с. 8].

Он проявился сразу во многих сферах.

Результатом перемен XVI – XVII вв. оказалось формирование новой системы знаний о мире. В XVII в. наступает новый этап научной революции, отличающийся от предшествующего этапа периода Возрождения тем, что научная любознательность обращалась уже не в прошлое, а распространялась на окружающий мир. Р. Декарту мир представлялся налаженным механизмом, созданным Богом. Он писал: «Можно достигнуть познаний, очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и других окружающих нас тел так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы» [6, с. 305]. Мыслителей XVII в., Б. Паскаля, Ф. Бэкона, Р. Декарта, П. Гаспенди, Б. Спинозу и других объединяло понятие «разум», ставшее краеугольным камнем их учений. Прежнее удивление перед многообразием природы сменилось стремлением его понять. В 1687 г. появились «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона, где физические и социальные законы были сведены к закону всемирного тяготения, объединяющего в единое целое всю Вселенную. Новая картина мироздания окончательно сменила систему Аристотеля и Птолемея и сделала акцент не на телеологическом объяснении мироздания, а на анализе его устройства. Опытная наука основывалась на методах точного исследования, прежде всего, количественного. Это сопровождалось блестящими математическими открытиями – установлением Виетом алгебраической символики и начал тригонометрии, созданием Декартом и Ферма аналитической геометрии, первыми шагами Ферма и Паскалем на пути к теории вероятностей, подступами к дифференциальному исчислению. Это повлекло за собой существенное преобразование всего строя мышления – второй этап интеллектуальной революции (прим. автора: *Первый – переход от мифологического мировоззрения к натурфилософскому*), связанный с открытием пути к научному миропониманию.

Важно и то, что параллельно с социальной физической сформировался натуралистический историзм,

объяснявший историю природой человека, «игрой страстей», соблюдением или несоблюдением законов природы, иначе говоря, волюнтаристски объявивший историю результатом лишь человеческой деятельности. Секуляризация социально-исторической мысли проявилась в априорном акценте на «человеческих» причинах развития общества. Разумеется, подобные представления широко распространились по всему «стволу» тогдашнего человечества (прим. автора: «Наука обособляется от других сфер духовной деятельности человека и обретает автономию» [9, с. 8]), в том числе и среди «низов», где получили свою аргументацию.

Подобные представления о мире и обществе не только пугали простых людей своей сложностью, но и не давали прежнего «утешения» (прим. автора: *Блез Паскаль в середине XVII в. писал: «Земля всего лишь точка в сравнении с огромной орбитой, которую описывает это светило...и сама эта огромная орбита – не более чем неприметная черточка по отношению к орбитам других светил...», а «все наше достоинство – в способности мыслить»* [11, с. 121, 169]), характерного для религии. Наука и религия, две, казалось бы, единственно возможные системы объяснения и утешения, не только столкнулись в борьбе друг с другом, но и не могли привести пока убедительных аргументов в свою пользу. Неудивительно, что в этих условиях огромная масса людей увлеклась революционными идеями. По Европе прокатились массовые социальные и политические движения. Это «шесть одновременных революций»: восстания в Каталонии и Португалии в 1640 г., в Неаполе и Палермо в 1647 г., Фронда во Франции между 1648 – 1653 гг. (прим. автора: *Некоторые исследователи считают ее «неудавшейся буржуазной революцией»*) и крестьянская война на Украине в 1648 – 1654 гг. во главе с Б. Хмельницким. Это и бескровная революция в Голландии, сместившая штатгальдерство в 1650 г., социальный и конституционный кризис в Швеции в 1650 г. в правление королевы Христины, московский Соляной бунт 1648 г. и другие революционные движения во Франции, Германии, Италии, Испании, Польше и ряде других стран. Продолжались начавшиеся с эпохи Возрождения «бои без правил». Эти войны не только разоряли Европу, но и усиливали чувство неуверенности в завтрашнем дне (прим. автора: *Любопытен аллегорический образ Европы XVII в., выведенный во сне Симплиция Симплиссимуса в виде генеалогического дерева, на вершине которого Бог войны Марс. Н. Макиавелли, а за ним и Т. Гоббс считали «войну всех против всех» основой именно раннекапиталистического общества, а единственное спасение от нее видели во «внеэкономическом принуждении» со стороны Левиафана – государства*), тревоги, страха. Как писал Б. Паскаль, «я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я... Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной, которые заключают меня в себе, я чувствую себя привязанным к одному уголку этого обширного мира, не зная, почему я помещен именно в этом, а не в другом месте... я не знаю, откуда я пришел, так же точно не знаю, куда уйду» [15, с. 167]. По словам М. А. Барга, «это был дух, буквально потрясенный открывшейся

изменчивостью всего и во всем – реалий окружающего мира и способа их рассматривать и познавать, изменчивостью истин, за исключением одной – истины сомнения, присущей собственному уму» [3, с. 318]. Не случайно XVII век называют «растерявшейся эпохой» (прим. автора: *Не случайно некоторые века запоминаются почти исключительно только политическими и социальными катаклизмами: VII – арабские завоевания, XIII – Крестовые походы, войны Чингизидов, XVII – 30-летняя война, захват маньчжурами Китая, XX – мировые войны, революции, «холодная война», борьба за космос*). На рубеже XVII в. В. Шекспир провозгласил, что весь мир является театром, в котором все люди актеры, играющие «не одну роль». Актер – это маска, а истинная его природа загадочна. «Великий Страх» и ненависть вызывало все, что могло изменить жизнь, а перемены обступали человека со всех сторон (прим. автора: *Популярный литературный образ того времени – Фортуна:*

*Фортуна дары раздает, как придется:
когда улыбнется, когда отвернется.
По-быстрому делит, и все шито-крыто,
кому куча денег, кому – санбенито.
Дает и не знает, кого награждает,
и верно, и скверно, и всяко бывает».*
(Л. де Гонгора, 7, с. 359).

Все беды объясняли происками дьявола и ведьм и колдунов. В результате «охоты на ведьм» с 70-х годов XVI в. до 30-х годов XVII в. было сожжено около 50 тыс. чел. 17 февраля 1600 года на Площади цветов в Риме был сожжен Джордано Бруно, в 1619 г. – падуанский священник Джулио Чезаре Ванини.

Общественный духовный оптимизм сменился своеобразным «декадансом», глубоким пессимизмом, проявившийся наиболее отчетливо в течении скептицизма в философии, в торжестве эмпиризма в науке, в распространении стиля барокко в искусстве и течения мистицизма в религии. В значительной степени это был кризис роста, когда упования на человеческий разум парадоксально сочетались с сомнениями в возможностях этого еще юного средства. Строго говоря, уверенность в его безграничных возможностях была высказана лишь в рамках философии (прим. автора: *Джованни Пико дела Мирандола (1463 – 1494 гг.) в своей знаменитой «Речи о достоинстве человека» писал от имени Бога: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю»*). Человек поставлен в центр мира, он должен сформировать себя сам, как «свободный и славный мастер» и может подняться до звезд и ангелов), но еще не была подтверждена на практике.

Неудивительно, что обширная часть европейцев, во многом вынужденно, вспомнила про «золотого тельца», т. е. выбрала испытанную тысячелетиями «языческую» картину мира, одной из разновидностей которой фактически и стала маргинальная культура.

Эверетт Стоунквист (прим. автора: *«Маргинальный человек» (1937)*) определяла маргинального человека как ключевую личность (key-personality) в контактах культур, когда две культуры переплетаются и нарождающаяся культура создает синтез своего и чужого, однако сказанное ею и Р. Э. Парком в отношении «чужого» в культуре (прим. автора: *Этот образ фактически создал еще Георг Зиммель на рубеже XIX–XX вв. [8]*) можно перенести и на «своего» (прим. автора: *«Маргинальный человек – это тип личности, который появляется в то время и том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы, культуры. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно; вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита и чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его культурной средой) индивидом с более широким горизонтом, более тонким интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами»*).

Складывалась ситуация, когда общество, как считал Э. Дюркгейм, оказывается в состоянии аномии как следствии разрыва социальных связей, и, по мнению Э. Стоунквист, в психологии человека проявляются дезорганизованность, ошеломленность, беспокойство, внутреннее напряжение, разочарованность, отчаяние, ощущение «неприступной стены», разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, представление о бессмысленности существования, агрессивность. Это четко видно и на примере взаимодействия «вертикальных» культур (эпох), когда конфликтуют не «чужие», а «свои» (прим. автора: *Одним из примеров такого взаимодействия являются отношения между собой заключенных в тюрьме*), хотя и чужаки попадают сначала чаще именно в их среду как в своего рода чистилище. Маргинал «схож со всеми, идентичен им и в то же время он калека среди подобных – человек с отсеченными корнями, рассеченный на куски в самом сердце родной культуры, родной среды» [14].

В обществе, пораженном кризисом, сталкиваются несколько культурных траекторий: нисходящая, восходящая и, для маргиналов, разрыв традиционных связей, постепенное вытеснение (или насильственный выброс за пределы законности) и создание своего собственного, совершенно иного мира (прим. автора: *В немецкой социологии статус маргинальности определяется через «понятие окраинной среды» (Mittlerand-Begriff). Маргинальный человек – «чужак» или «аутсайдер» в своем родном обществе. Отсюда выделяются три измерения процесса маргинализации: экономическое – «относительная депривация», отстранение от деятельности и потребления; политическое – поражение в гражданских/политических правах (de facto или de jure); социальное – потеря общественного престижа: деклассирование, стигматизация («Verachtung»)). По сути, маргинальность – третья культура, особое социокультурное состояние, а не просто некая переходная форма; она лежит в точке пересечения этих маршрутов.*

Она системна и состоит из ряда присущих культуре как системе компонентов: человек как сверхпри-

родный объект, человек как субъект деятельности, человек как продукт культуры, внебиологические способности деятельности, широкое поле деятельности, выходящее за границы собственно природы, признание господствующей религии или идеологии как обязательной, обязательное толкование базовых идей (прим. автора: *Например, в христианстве «базовыми» можно считать такие идеи, как Бог, как надъестественная сверхличность, монотеизм (единобожие), «креационизм» (творение), «провиденциализм», ревенционизм (откровение), «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия, «история» как педагогическая задача (время «исправления» человечества), «церковь», «конец света» и др.), специфическое их понимание (на основе принципа «свободы»), доходящее до противопоставления им системного комплекса «понятий», пригодных для «другой жизни», представление о «другой жизни», антимораль, тоталитарный характер «правильной» культуры, отрицание свободы личности, иерархия индивидов, отрицание «ученой» культуры, устный характер «культуры», особая роль специфических «понятий», традиций, обычаев, особая роль авторитетных фигур, жесткая социальная критика, отрицание идеи прогресса, претензии на «истинное» понимание сути жизни, акцент на ментальности, а не идеологии, транснациональность, предпочтение биологических ценностей социальным и др. Именно в этой маргинальной среде распространяются так называемые абстрактные идеи. По мнению, А. Грина, «члены любого общества имеют идеалы, которые непосредственно не связаны с общественными целями. Этими идеалами мы называем абстрактные чувства. Примеры: «Все люди рождаются свободными и равными», «Справедливость победит в конце концов», «Я как социальная ценность» и т. д.). Он же считает, что именно они и являются «стандартами поведения, которые служат основой социального взаимодействия» [4, с. 236].*

Если в Средние века маргиналы были изгоями, выходили за рамки социальной структуры и не имели возможности быть даже внизу «феодалной лестницы», фактически их вообще не считали за людей, то теперь они начинают обретать «человеческие» черты и создают свой собственный и особый мир. Появляется возможность коллективного выживания в динамичном мире, но только за счет автаркизации. Именно в этом социальном «подполье» (андеграунде) начинает в крупных масштабах формироваться организованная преступность, нацеленная на рынок и в конечном итоге на весь мир. Этих маргиналов, строго говоря, начинают наказывать не за отсутствие социального статуса, а за дела, что не могло не стимулировать развитие уголовного права. Иначе говоря, маргинализм начинает определяться юридически широко и детально. Это не могло не повлиять и на социальные теории и на социальную практику национальных правительств. Можно сказать, что именно в Раннее Новое время появляется как злободневная проблема нищеты. В традиционном обществе удельный вес деклассированных элементов небольшой и оно их практически не замечает. Представление об извечной ни-

щете народных масс формируется именно в это время и впоследствии предельно политизируется.

Именно в Раннее Новое время и начинают формироваться две предельно политизированные впоследствии позиции по отношению к ним: их объявляют деградировавшими, а они сами все чаще именуют себя вкупе с уходящими крестьянами и нещадно эксплуатировавшимися пролетариями угнетенными и испытывают по отношению к остальному миру злобу и «классовую ненависть». Их не любит никто, более того, их достаточно дружно презирают за сознательное игнорирование «общечеловеческих» ценностей. Между тем они действительно формируют, опираясь преимущественно на биологические, а не социальные ценности, свой мир и массовое распространение по Европе «бандитов», проституток, бомжей и т. д., по сути, свидетельствует о складывании нового, культурного раскола в обществе. Не случайно именно с этого времени набирают силу такие теории, как теория классовой борьбы (прим. автора: *Естественно, что через нее попытаются рассматривать и всю предшествующую и, тем более, последующую историю общества*), представление о противостоящих двух культурах, эксплуататорах и эксплуатируемых, бандитизме как форме классовой борьбы и т. д.

В Средние века маргиналами чаще всего были «чужие», жившие к тому же максимально изолированно (евреи в гетто, сарацины в отдельных кварталах, пришедшие издалека школяры, записывавшиеся в свои «нации» и т. п.), не входившие в традиционную трехчастную структуру общества (работающие, молящиеся, защищающие), не связанные с той или иной корпорацией (*universitas*). Теперь это «низы», «деградировавшие», поскольку не принимали новые ценности. Эти «потерянные поколения» оказались оторваны от «культуры» и деградировали до уровня «животных» в «стае». Особо следует отметить, что этот процесс формирования зазеркальной контркультуры связан не с той или иной нацией, а носит общеевропейский характер. Бандиты и проститутки отличаются не только свободным отношением к прежним, средневековым, или новым, капиталистическим ценностям, противопоставлением им своих «понятий», но и космополитизмом. Эти «граждане мира» легко пересекают любые границы и работают в рамках любых национальных культур. Бандитизм носит общеевропейский характер и связан не с традиционной культурой, а с новой общественной моделью и капиталистической экономикой. Это не средневековый разбой как одно из средств решения проблем феодальной экономики, он формируется в рамках транснациональной экономики. В средние века разбой и грабеж были нормальным явлением во внешней сфере, но внутри государства это рассматривалось как незаконное деяние. Бандитами считались лишь те, кто нарушал юридическую договоренность или традиции. Только в новое время, когда наблюдается своеобразное противостояние власти, бизнеса и криминала, возникает само понятие бандитизма как универсальное, не связанное ни с какими этническими или политическими границами. На поток была поставлена и проституция, не только щедро используя накопленный за тысячелетия опыт, но и создавая новые формы организации

своего «производства», переходившего на капиталистические рельсы.

Одновременно с выделением некоей зоны «бескультурия» и «деградации» процесс маргинализации затрагивает и все общество. Маргинализация культуры как «разделение» культуры до биологического во многом было результатом чрезмерно широкого распространения свободомыслия. Дробь культуры, в числителе которой всегда должно находиться социальное, а биологическое в знаменателе, как бы переворачивается. Это находит выражение в различных «пороках», поразивших общество – разврат, насилие, войны, апология секса, гедонизм, нецензурная и криминальная лексика, в той или степени присутствующая во всех слоях, критика религии, коррупция, кумовщина, рост преступности на всех этапах, циничная «философия» и др. Это было и результатом своеобразного зашкаливания Возрождения, ставившего целью возрождение лишь «великой античной культуры», но фактически выведшего через реновационный механизм не только культурные, но и биологические ценности предшествующих веков. Сказалось и активное перемешивание населения (маргинализация по горизонтали), принесение выходцами из деревни в городскую культуру традиционно-патриархальных обычаев, привычек и норм. Налицо какофония «высоких» культур и даже поэтому происходит противопоставление этому информационному хаосу идеала естественного человека. Это и воздействие нарождающихся ценностей с их излишним акцентом на атеизме, деидеологизации, культе денег, конкуренции и т. п. Из культуры, как пишут сами современники, на время уходят или переосмысливаются «стыд», «совесть», «честь», которые, впрочем, представители низов часто считают «буржуазными предрассудками». Своеобразным лозунгом стала знаменитая фраза маркизы Помпадур «после нас хоть потоп» (*Après nous le déluge*).

В низовой маргинальной культуре идет суровая критика нарождающегося общества (и это в начале его истории!). В средние века критиковали отдельные недостатки, но до отрицания общественного строя фактически не поднимались даже еретики. В XVII – XVIII вв. парадоксально критикуется общество **в целом** (прим. автора: *Нечто подобное мы наблюдаем в России перед революцией, когда «последний и решительный бой» был объявлен и «помещикам», и «капиталистам», т. е. всему «эксплуаторскому» строю. Показательно выступление И. В. Сталина на первом всесоюзном колхозников – ударников 19 февраля 1933 г.: «История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью – уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей» [13, с. 412]), на всем протяжении своего существования. Маргиналы низов не борются со «старым» или «но-*

вым», они просто отворачиваются от него. Естественно, что главная «обида» у них на современную модель. Общество их занятия (убийство, воровство, прелюбодеяние и др.) объявляет аморальными и юридически незаконными, противоречащими Заповедям, но маргиналы романтизируют их.

Маргинальная культура – явление сугубо городское. Исчезающее крестьянство выступало за возврат к феодализму, против деформированного капитализмом феодального строя, отсюда антифеодальный характер крестьянских войн данного времени.

Литература

1. Барг, М. А. Европа в столетие революций / М. А. Барг // Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 400 с.
2. Барг, М. А. Место XVII века в истории Европы / М. А. Барг // Вопросы истории. – 1985. – № 3.
3. Барг, М. А. Эпохи и идеи / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.
4. Боборыкин, В. Е. Изучение ценностного сознания личности социологическими средствами / В. Е. Боборыкин, Ю. Г. Зинченко // Философия образования: сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 230 – 239. – (Серия: Symposium; вып. 23).
5. Виппер, Ю. Б. О «семнадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур / Ю. Б. Виппер // XVII век в мировом литературном развитии. – М.: Наука, 1969. – С. 285 – 311.
6. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
7. Европейская поэзия XVII века. – М.: Художественная литература, 1977. – 945 с.
8. Зиммель, Г. Философия культуры / Г. Зиммель. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – 671 с.
9. История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 4. – 687 с.
10. Мигашкина, Н. Б. Городская маргинальная культура: понятие и сущность / Н. Б. Мигашкина // Научный вестник Уральского академии государственной службы. – 2008. – Вып. 5.
11. Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль. – М., 1974.
12. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли / Г. В. Плеханов. – Киев, 1925. – Т. III.
13. Сталин, И. Вопросы ленинизма / И. Сталин. – М., 1945. – Изд. 11-е. – 612 с.
14. Фарж, А. Маргиналы // 50/50: опыт словаря нового мышления / А. Фарж, Е. Рашковский. – М.: Прогресс, 1989. – С. 142 – 155.
15. Хачатурян, В. М. История мировых цивилизаций / В. М. Хачатурян. – М., 1997. – 512 с.
16. Poliiensky, J. V. The Thirty Years War / J. V. Poliiensky. – Berkley, 1971.

Информация об авторе:

Пиков Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, gennadij-pikov@yandex.ru.

Gennady G. Pikov – Candidate of History, Assistant Professor of History at the Department of World History, Humanitarian Faculty, Novosibirsk State University.